

Яков Минченков

**Никифоров Семен
Гаврилович**

Яков Данилович Минченков
Никифоров Семен Гаврилович
Серия «Воспоминания
о передвижниках»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447245

*Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках: «Художник РСФСР»;
Ленинград; 1965*

Аннотация

«...К чему бы он ни стремился, чего бы ни искал – судьба допускала его до конца стремлений, а в самом конце подсекала достигнутые успехи и разрушала все его достижения. Она невзлюбила Никифорова с самого его рождения и приуготовила ему несчастье уже в младенчестве. Это она подтолкнула руку его няньки, чтоб та выронила младенца, и свихнула его позвоночник, сделав Семена Гавриловича на всю жизнь физически недоразвитым и горбатым. Судьба дала ему ум и талант – и на каждом шагу мешала проявить свои способности. Она окружила его тяжелыми условиями жизни и, слабого, заставляла нести непосильный труд и биться над заработком с самого детства ради куска хлеба. Она же наделила Никифорова жадной жизни, не дав ничего, чтоб утолить эту жажду...»

Яков Данилович Минченков Никифоров Семен Гаврилович

Вот уж именно, что у иных судьба бывает хуже злой ма-
чехи. И кого она невзлюбит – нет тому от нее пощады.

Предо мной проходила жизнь товарища-друга Никифоро-
ва, за спиной которого постоянно чудилась его злая судьба.

К чему бы он ни стремился, чего бы ни искал – судьба до-
пускала его до конца стремлений, а в самом конце подсека-
ла достигнутые успехи и разрушала все его достижения. Она
невзлюбила Никифорова с самого его рождения и приугото-
вила ему несчастье уже в младенчестве. Это она подтолкну-
ла руку его няньки, чтоб та выронила младенца, и свихнула
его позвоночник, сделав Семена Гавриловича на всю жизнь
физически недоразвитым и горбатым. Судьба дала ему ум и
талант – и на каждом шагу мешала проявить свои способно-
сти. Она окружила его тяжелыми условиями жизни и, сла-
бого, заставляла нести непосильный труд и биться над зара-
ботком с самого детства ради куска хлеба. Она же наделила
Никифорова жаждой жизни, не дав ничего, чтоб утолить эту
жажду.

Чего стоила ему его короткая жизнь, какие невероятные усилия, труд понес он для того только, чтобы все завоеванное им оказалось для него не нужным и самому отойти в тень, остаться полузабытым обществом!

Никифоров вскоре по окончании Московского училища живописи был избран членом Товарищества передвижников. Талантливость его ярко выразилась в первых же вещах, выставленных на передвижной выставке.

Школу он заканчивал под руководством Серова, перед которым преклонялся.

Он многое взял от Серова, но сохранил и свою индивидуальность. У него не было той кажущейся легкости и артистического изящества в живописи, как у Серова, он был грубее, проще, более реалист, без налета модернизма, но зато крепче и глубже проникал в жизнь, в ее повседневную простоту и по своему восприятию природы был более связан с передвижничеством.

Брал он нечто и от Малявина, увлекаясь его широким размахом в письме, его силой. Драма жизни Никифорова заключалась в том, что он хотел быть богатырем, поднимать огромные тяжести, охватывать широкую могучую жизнь, выражать ее на больших полотнах в ярких и сильных образах, хотел упиваться здоровьем, молодостью, силой, темпераментом и славой, но для всего этого у него не было физических средств.

Маленький, тщедушный, с еле бьющимся сердцем, он

бросался на штурм и падал в изнеможении, проклиная свою слабость.

В том, что он делал, виден был его порыв, его талант и уже выработанное умение мастера. Он хорошо владел рисунком, лепил форму и бросал сильные краски, но всего этого достаточно было лишь для небольших сколков с жизни, для небольших картин с реальными образами, а Никифорову мерещилось уже то огромное, что он видел у великих мастеров, и он, не учитывая своих сил, хотел с размаху взбежать на вершины. И надрывался.

Когда его предостерегали, говорили, что надо беречь свое здоровье, свои силы ради самого дела, указывали, что своим страшным напряжением он может совсем уложить себя, Никифоров отвечал: «Ну и прекрасно! Лучше пасть сразу в бою, чем тянуть длинную канитель бесполезного спокойствия. Ворон вон двести лет прожить может, да только мертвечиной питаюсь».

Честный по натуре, он был необычайно честен и в искусстве и откровенно признавался в своем грехе, в фальши, допущенной им в работе. Показывая мне свою вещь, он обводил пальцем неудачное на ней место и говорил:

– Вот тут – замечаешь? Надо было разобраться в натуре, а я фуксом отделался, замазал чем попало. Увидит Серов – достанется мне!

Беспощадно относился он и к произведениям других, где видел плутовство в живописи, желание отделаться дешевой

или угодить вкусам невежественной публики.

Всякая картина на выставке была для него своей. По ней он читал все содержание, весь характер художника и представлял даже внешность его. По произведениям у него являлись симпатии или антипатии к личности автора.

Показывал на картину незнакомого художника:

– Вот за эту вещь бить мало! Смотри, как он тут изворачивается, лжет, угодничает. Подхалима! Я рожу его вижу: слюнявая, заискивающая. Если его увижу у нас на выставке, так рядом не сяду. Он редко даже улыбается! А этот парень хорош, – говорил Никифоров о другом, – за правдой гонится, не поймал ее еще, а не плутает, не льстит, малый честный!

Ему, бывало, говоришь:

– А не случается разве так, что видишь в картине умение, правду, а автор как человек не высоких качеств?

Семен Гаврилович соглашается и смеется:

– Бывает, да еще как! Гений и беспутство! Да только редко, а мне-то что? Не детей же у него крестить! Буду знать только его произведения, а с ним говорить не стану. А только надо так, что ежели ты хороший человек, так не плутай и в искусстве, не будь «чего изволите» и не подсовывай гнили людям непонимающим. Сидишь вот у купца – милый человек, он тебе и то и се, угождает, а зайдешь к нему в магазин – там он всунет вещь совершенно негодную. Так-то и у нас делается.

Отдавшись всецело искусству, Никифоров делил и людей

как бы на две половины: люди искусства, творящие – и все остальные, служащие натурой, объектом для их творчества. От первых он требовал всех высоких качеств, а вторые могли быть какими угодно и как натурщики могли представлять интерес даже при уродстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.